

Архимандрит Плакида (Дессей)

Проблема зла

Как примирить присутствие зла в мире с существованием всемогущего и всеблагого Бога?

Эта проблема существовала во все времена, но особенно мучительна она в наши дни, после кошмаров сталинского и постсталинского Гулага, нацизма с его лагерями смерти, после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, ужасающих бедствий стран третьего мира.

Проблема, или скорее даже соблазн, зла всегда была одним из источников атеизма. Уже в первые века нашей эры эпикурейцы так искусно подавали ее, что желательный для них вывод — что Бога нет — казался неизбежным. Вот как христианский писатель IV-го века (и противник эпикурейцев) Лактанций передавал их философскую позицию: «Или Бог хочет удалить от нас зло и не может, или может и не хочет, или не хочет и не может, или хочет и может. Если хочет и не может, то это слабость, не свойственная Богу. Если может и не хочет, то это зависть, которая не свойственна Богу столько же, как и слабость. Если не может и не хочет, то это вместе и слабость, и зависть. Если хочет и может, то почему не удаляет его от нас, и зачем столько зла в мире?»¹

Философы, не соглашавшиеся с атеистическим разрешением проблемы, оперировали в основном двумя аргументами.

Первый аргумент — Бог не творил зла. Как онтологической реальности зла не существует. Оно не есть нечто среди других вещей, не есть что-то сотворенное. Оно есть обособление, отторжение или даже материальное уничтожение некоторой части действительности, без которой жизнь лишается своей полноты.

Второй аргумент — Бог допускает зло как некое неизбежное состояние нашей столь еще несовершенной вселенной, в которой добро одних не совпадает с добром других. Потому возможно физическое зло — страдания, различные бедствия, катастрофы, разрушения; возможно зло моральное — из уважения к той свободе, которой Он наделил разумные существа.

И эти аргументы не неправильны. Они могут быть даже единственно возможны, если стоять на чисто рациональной точке зрения, превращающей в абстракцию все, что открыто Богом из Его замысла в отношении человека и мира.

Естественная, а вернее непреображенная или чисто «природная» вселенная (она не преображена, ибо человек еще не преображен) неминуемо несет в себе страдания и смерть. И это все, что может усмотреть предоставленный самому себе человеческий разум.

Однако Божественное откровение требует исторического и динамического видения, что открывает совершенно новые перспективы. Через Свое Слово Бог открыл нам, что не для того сотворен мир, чтобы оставаться ограниченным пределами своей природы, — мир существует для того, чтобы, преобразившись под воздействием нетварных Божественных энергий, засиять в славе Божьей. Цель творческого акта Божия — мир преображенный, где не будет уже ни бедствий, ни страданий, ни смерти, но будет Бог «наполняющий все во всем»². Именно о такой вселенной говорится в Откровении Иоанна:

«И я увидел небо новое и землю новую: ибо прежнее небо и прежняя земля ушли, и моря уже нет. И я увидел город святой, новый Иерусалим, сходящий с неба от Бога, приготовленный словно невеста, украшенная для мужа своего. И я услышал голос великий от престола, говорящий: “Вот скиния Божия с людьми, и Он будет обитать с ними, и они будут Его народами, и Сам Бог будет с ними, и отрет всякую слезу с очей их, и смерти уже не будет: ни скорби, ни крика, ни боли уже не будет, потому что прежнее ушло. И сказал Сидящий на престоле: вот, Я все делаю новым»³.

Можно спросить: но почему же Бог с самого начала не сотворил вселенную с такими свойствами, что любые формы зла могут в нем существовать? Потому что для преображения мира необходимо преображение, или, как говорят Святые Отцы, обожение человека, посредством которого Божественная слава распространяется на весь остальной тварный мир. В свою очередь, это требу-

¹ См.: Лактанций, «О гневе Божьем», гл. 13, с. 243, СПб., 1848.

² Ефес. 1,23.

³ Откр. 21, 1-5.

ет свободного согласия человеческой воли с волей Божественной, когда человеческая свобода содействует свободе Божественной благодати. Чтобы совершилось это обожение твари, чтобы поистине произошло единение всего во взаимной любви, нужно, чтобы сам человек свободно отдал себя Божественной любви. Но в силу самого смысла свободы он может и не сделать этого...

Наш мир отнюдь не является завершенным. И пока в душе человеческой не окончится выбор между бескорыстием и эгоизмом, между сочувствием и равнодушием, наконец, между Богом и дьяволом, здесь будет продолжаться испытываться человеческая свобода.

Говоря о восприятии мира в согласии с Божественным откровением, необходимо отметить еще один важный момент: состояние, в котором находится творение, не является следствием только прародительского греха. Сначала был грех в ангельском мире, и лишь потом — наших прародителей. Из существ, обладавших свободой, сначала часть ангелов последовала за взбунтовавшимся против Бога Люцифером, и лишь потом человечество, начиная с праотца Адама подстрекаемое этими падшими ангелами, неправильно употребляя свой дар свободы, добровольно отделило себя грехом от Бога, Источника жизни. Эти падшие ангелы, в силу особенностей их бестелесной природы, раз отпав от Бога, навсегда остались в состоянии ненависти к Нему и Его Божественному замыслу любви, стали демонами. Человек же всегда имеет поистине фантастическую возможность вернуться в Отчий дом.

Созданный по образу и подобию Божьему, Адам не был подвержен смерти и страданию, и он мог это состояние сохранить, если бы добровольно остался в общении с Богом. Но грехом непослушания он отделился от Него и стал смертным. Как пишет св. апостол Павел, «...через одного человека грех вошел в мир, и через грех вошла смерть, и тем самым во всех людей перешла смерть...»⁴. А там, где смерть, там скорби и страдания:

«И сказал Господь Бог жене: "...умножая умножу скорбь твою в беременности твоей, в болезни будешь рожать детей: и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою". Мужу же сказал: "за то, что Ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал Тебе, сказал: "не ешь от него", проклята земля за тебя: со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей. Тернии и волчцы произрастит она тебе: и будешь питаться полевою травой. В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься».

И нарек Адам имя жене своей: Ева, ибо она стала матерью всех живущих. И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные, и одел их. И сказал Господь Бог: "вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло: и теперь, как бы не простер руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно". И выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывал землю, из которой он взят. И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранить путь к древу жизни»⁵.

Аналогично читаем мы в книге «Премудростей Соломоновых»: «Бог создал человека для нетления и создал его образом вечного бытия Своего: но завистью диавола вошла в мир смерть и испытывают ее принадлежащие к уделу его»⁶.

Таким образом подверженность человека страданию и смерти, или, как говорят Святые Отцы, тлению, является последствием греха. Это вовсе не значит, что каждая болезнь человека происходит из-за его личных грехов, но она есть следствие принадлежности человеческого бытия к падшей, поврежденной грехом природе. Уже в III веке св. Ириней Лионский говорил, что болезнь и смерть не являются наказанием, устанавливаемым Богом провинившемуся человеку, но органическим следствием греха: «Соединение с Богом есть жизнь, свет и радость от благ, исходящих от Него. Напротив, тот, кто добровольно отделился от Него, страдает от разделения, которое сам избрал. Отделение от Бога есть смерть, как отделение от света — мрак: отделение от Бога является

⁴ Рим. 5,12.

⁵ Быт. гл. 3.

⁶ Прем. гл. 2, 23-24.

потерей всего благого, исходящего от Него. Те, кто своим отпадением потеряли Его, те сами себя обрекли на наказание: не Бог избрал их для наказания, но наказание явилось следствием их отделения от всего благого»⁷. В то же время совершенное одним человеком прегрешение, даже если оно не затрагивает, казалось бы, других людей, по своим последствиям имеет характер всеобщий. Вот как это выразил, с присущей ему гениальностью поэта и пророка, французский писатель Леон Блуа:

«От нашей свободы зависит равновесие мира... Всякий человек, совершающий действие, проецирует свою личность в бесконечность. Данная бедняку от недоброго сердца медная монета прожигает руку бедняка, упав, проходит сквозь землю, проткнув солнце, пересекает небосвод и наносит ущерб вселенной. Нечистый поступок человека покрывает мраком миллионы сердец людей, ему незнакомых, но таинственно с ним связанных и так же нуждающихся в том, чтоб этот человек стал чист, как умирающий от жажды путник нуждается в чаше воды из Евангельского источника. С другой стороны, акт великодушия, движение искреннего сочувствия являются песней во славу Божию. От Адама до конца времен им исцеляют больных, успокаивают отчаявшихся, утишают бури, освобождают плененных, неверующих обращают в верных, защищают род человеческий.

Вся христианская философия подчеркивает исключительную важность свободного человеческого действия и всеохватывающей, неуничтожимой взаимной ответственности».

Конечно, как и выбор, всякая ответственность личностна и каждый личный поступок способствует или препятствует увеличению добра в мире.

Что же касается твари не обладающей разумом, то ее теперешнее состояние тления несомненно связано и с падением ангелов, и с состоянием человека. Бесспорно, что ангелы находятся в связи с физическим миром.

Дж. Х. Ньюмэн, хорошо знакомый с богословием Отцов Церкви и чутко воспринимавший реальность мира невидимого, видел в ангелах не только посланников, используемых Создателем во взаимоотношениях с людьми, но также посредников, сохраняющих строй мира видимого. «Я рассматривал их, скажем, как действительные причины движения, света, вообще жизни с ее фундаментальными законами физического мира, которые, возбуждая наши чувства, дают представление о причине и следствии, и это то, что мы называем законами природы». В проповеди, на праздник архангела Михаила, он говорил об ангелах: «Всякое дуновение воздуха, луч, несущий свет и тепло, каждое дуновение красоты является, можно сказать, бахромой одежды, колыханием ризы тех, кто видит Бога лицом к лицу»...

Если так велика роль ангелов по отношению к тварному миру и его законам, то можно себе представить, какие глубинные сотрясения вызвало падение князя мира сего и последовавших за ним ангелов. Иногда я задаю себе вопрос: нет ли связи между этим падением и «противоестественным», «дьявольским» поведением некоторых насекомых, вирусов и других тварей, которые, однако, сами по себе не являются ни плохими, ни греховными. Как бы то ни было, но определено, что именно сатана превратил безобидные существа в орудия искушения человека... Не будем при этом забывать и слов апостола Павла: «...тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих: потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится донныне»⁸.

Зло, от которого мы страдаем здесь, на земле, является, таким образом, следствием греха и движимо грехом. Бог его не создавал, и оно исчезнет, но не ранее, чем исчезнет унижающее и умерщвляющее нас извращенное использование свободы, которая, когда мы верно распоряжаемся ею, есть самое драгоценное наше благо и средство нашего обожения.

Можно ли сказать, что зло ускользнуло от Бога и не подчиняется Его Провидению?

⁷ Против ересей 5, 27, 2.

⁸ Рим. 8, 19-22.

Безусловно, нет. Злу, которого Бог никогда не желает и не желал. Он кладет пределы. Он премудро соделывает так, что оно приводит человека к истинному благу, увеличивая свою благодатную помощь, когда возрастает сила искушения. «...Верен Бог, Который не попустит, чтобы вы были искушены сверх сил, но в самом искушении даст и выход так, чтобы вы могли вынести»⁹.

И еще: «...Знаем, что любящим Бога, призванным по его предустановлению. Он во всем содействует ко благу»¹⁰.

И только в этом смысле мы можем сказать про страдания и испытания, происходящие с нами, что они попущены Богом, «посылаются» Им. Мы должны принимать их с доверием, ибо они никогда не превзойдут той силы, которую Он нам дает, чтобы привести нас, в конце концов, к нашему благу. Зла, как такового, нет, реальностью зла оказывается лишь грех, который мы совершили. Св. Иоанн Златоуст в одной из своих бесед подробно и исчерпывающе остановился на значении этого слова:

«Так как слово “зло” имеет два смысла, то я и хочу сообщить вам точное его значение с той и другой стороны, чтобы вы из-за двусмысленности названия, перемешав самые предметы, не впали в богохульство.

Итак, есть зло — действительное зло: блуд, прелюбодеяние, любостяжание и бесчисленное множество пороков, достойных крайнего осуждения и наказания. Опять есть зло, а лучше сказать не есть, а называется (злом): голод, язва, смерть, болезнь и т.п. Все это не может быть (истинным) злом — потому я и сказал, что это только называется злом. Почему же? Потому, что если бы все это было злом, то не делалось бы для нас виною благ: не обуздывало бы гордости, не искореняло бы беспечности, не возбуждало бы нас к рачительности и не делало бы более внимательными к самим себе. “Когда Он убивал их, тогда они искали Его и обращались к Нему и с раннего утра прибегали к Богу”, — говорится в Писании¹¹. Зло разумеется здесь то, которое нас вразумляет, делает доблестными и более рачительными, приводит к любомудрию, а не то, которое достойно проклятия и осуждения; это не Божье дело, но изобретение нашего произволения, а то служит к уничтожению этого. Злом называется здесь страдание, причиняемое нам наказаниями, и называется так оно не по собственной его природе, но приспособительно к мнению людей. Так как мы привыкли называть злом не только воровство и прелюбодеяние, но и несчастья, то (Бог) назвал так страдание, применяясь к мнению людей. Так вот, что означают слова пророка: “нет зла во граде, еже Господь не сотвори”¹². Это же выразил Бог через Исайю: “Аз есмь Бог, творяй мир, и зиждяй злая”¹³, злом называя и здесь бедствия. На это зло делает намек и Христос в Евангелии, когда говорит ученикам: “...не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний день сам позаботится о себе: довольно для каждого дня беды его”¹⁴. Итак, из всего видно, что злом Бог называет здесь наказания, и что эти наказания Сам Он насылает на нас, являя в них важнейший вид Своего Промысла.

И врач не только тогда достоин хвалы, когда выводит больного в сады и луга или в бани и купальни, или когда предлагает ему роскошный стол, но и когда заставляет его оставаться без пищи, мучит голодом и томит жаждою, когда приковывает к постели, и дом делает темницею, лишает больного самого света и закрывает комнату со всех сторон завесами; когда подвергает его и сечению и жжению, и предписывает горькие лекарства — и тогда он тот же врач. Поэтому не странно ли — того, кто причиняет столько неприятностей, называть врачом, а Бога, если Он сделает одну такую неприятность, например, наведет голод, или смерть, хулить и не признавать Промыслителем вселенной? А Он-то один и есть истинный врач душ и телес. Поэтому-то часто Он, приняв в Свое попечение нашу природу, которая

⁹ 1 Кор. 10, 13.

¹⁰ Рим. 8, 28.

¹¹ Пс. 77, 34.

¹² Ам. 3, 6.

¹³ Ис. 45, 7.

¹⁴ Мф. 6, 34.

скачет от полноты счастья, а между тем одержима греховною горячкой, избавляет ее от болезни — бедностью, голодом, смертью и другими бедствиями, и иными, какими Сам знает, врачествами»¹⁵.

И хотя человек не может в каждом случае определить причины выпавших ему испытаний, слово Божие утверждает нас в том, что все, попускаемое Богом, приводит ко благу человека, является как бы «тайнством» Его безграничной любви. «Не только то достойно восхищения, что возникает по желанию Божию, но и то, чему Он позволяет произойти», — сказал Леон Блуа. Это не умаляет тайны путей Божиих и Его «икономии». Доверившийся Богу не станет допытываться, почему Он попускает то или иное.

В одном из Слов, посвященных Божественному Провидению и обращенном Святителем из Кукуза к своим страждущим последователям, в ответ на недоуменный вопрос: «Почему в этом мире допускаются действия злых людей, демонов, дьявола?» — святой Иоанн Златоуст отвечал: «Праведники не доискивались, как и каким образом совершаются дела Божьи, но видя, что все это непостижимо для человеческого разума, не устрашались и не возмущались, а все мужественно сносили, имея величайшую уверенность в силе Обещающего дать будущие блага, и не впадали, в виду противоположной действительности, в отчаяние... Все предоставляй неисповедимой Премудрости Божией... Кто уже твердо уверовал, то хотя бы ярились бесчисленные волны, ...он не только не потерпит никакого вреда, но сделается еще более сильным... соблазны попускаются для того, чтобы не уменьшалась твердость мужественных»¹⁶.

И еще раньше, в том же Слове, мы находим: «Когда ты знаешь, что Серафимы летают вокруг высокого и превознесенного престола, закрывая себе крылами лица, ноги, спину и оглашая небо кликами своего изумления, ты не думай, что у них действительно есть ноги и крылья: они ведь силы невидимые... Если же даже ангелы не могут видеть Его и, чтобы выносить исходящую от него молнию, закрывают себе лица крыльями, и только славословят, только поют, воспевают с великим трепетом, вознося таинственную священнодейственную песнь, то не отступишь ли, не скроешься ли ты, желающий с таким безумством простирать твое суетное любопытство на промысление Бога, могущество Которого неизреченно, невыразимо и непостижимо для высших сил? Тайны Его с точностью ведомы только Его Сыну и Святому Духу, и никому другому...»¹⁷.

Но Бог не ограничился тем, чтобы подчинить Своему Божественному промыслу несчастья и трагедии, происходящие с нами. Отец послал Сына Своего, чтобы Он воспринял нашу природу со всеми последствиями греха, со страданием и смертью. Восприняв их, Господь Иисус, являясь одновременно Богом и человеком, в корне изменил их смысл. Бывшие следствием и знаком отпадения человека от Бога, страдание и смерть, во исполнение Им воли Отца и по Его состраданию к людям, не исключая и Его собственных мучителей, стали знаком и выражением Его сыновней любви к Отцу, орудием спасения. Ими самими Он их победил. А послав Духа Утешителя в наши сердца. Он дал возможность и нам превратить наши собственные страдания в средство уничтожения всякого эгоизма, средство духовного возрастания, в средство воспитания любви, способности прощения соперника и врага.

Христос пришел не устранить страдания и зло здесь на земле, но Своей смертью и Воскресением Он указал нам путь, на котором наши страдания становятся нашим спасением. И если мы это поняли. Он дает нам силы идти по этому пути, в ожидании того дня Его славного пришествия, когда и смерть будет окончательно побеждена.

Один современный исследователь книги Иова писал, что принять загадку страдания можно, лишь обладая особым душевным расположением, без которого самые глубокие размышления будут бессмысленны. Это свойство души есть то детское смирение, которое не стремится к достижению «последнего» знания о чем бы то ни было, в частности, не боясь вовлеченности в события, исход которых может знать только Творец. Лишь тот принимает страдание с миром в душе, кто отказывается от желания рационально объяснить жизнь в ее сокровенной глубине и, вопреки все-

¹⁵ Св. Иоанн Златоуст. Творения, т. 2. Беседы о диаволе, СПб., 1894, с. 280-281.

¹⁶ Творения, 3, с. 527, 528.

¹⁷ *ibid.* с. 501.

му, находит покой в мысли, что эта жизнь, иногда так бесчеловечно разбитая, является, однако, делом всемогущего и всемилостивого Бога. И любые другие объяснения, которые можно было бы дать, не будут иметь значения, если не сведутся к этому»¹⁸.

Для христианина это повиновение путям Божиим, доверие к способу, которым Он направляет нашу жизнь, выражается в принятии обстоятельств собственной жизни как Креста Христова. Порой это нелегко. В Евангелии мы видим, как трудно было даже для Господа убедить Своих учеников в необходимости Креста. Мало лишь теоретически это узнать, нужно, чтобы мы неким реальным образом, из самой глубины сердца поняли, что для каждого из нас Крест, добровольно принятые нами наши обстоятельства и наши страдания, когда мы не сопротивляемся им и следуем за Христом, есть единственный путь к Воскресению, что, наконец, сам Крест заключает в себе силу Воскресения.

В беседе святого Григория Синаита с преподобным Максимом Капсокаливитом¹⁹ говорится, что, когда Святой Дух овладевает духом человека, все вещи открываются ему совсем по-иному, иначе, чем обычно: «...когда благодать Духа Святого сойдет на кого-либо, то не что-либо обычное показывает ему из вещей чувственного мира, но... то, чего тот никогда не видел и не воображал. Тогда ум такого человека научается от Духа Святого высшим и сокровенным тайнам, которых, по божественному Павлу, ни око человеческое не может видеть, ни ум уразуметь...²⁰ Когда же святой Григорий сказал, что подобное бывает и при действии прелести, великий оный Максим ответил ему: бывает, но... иные признаки прелести, иные — благодати. Когда злой дух прелести приближается к человеку, то возбуждает ум его, ...сердце ожесточает и омрачает, наводит боязнь... и гордость, ...ум делается испуганным и бесноватым, уста заставляют говорить слова непотребные и хульные; тот, кто видит сего духа прелести, ...серчает и исполнен бывает гнева, смирения совсем не знает, ... но тщеславится без сдержанности и страха Божия, поддается движениям страстей... Когда входит в человека благодать Святого Духа, то собирает ум его и делает внимательным и смиренным, приводит ему на память смерть и грехи его. сближается с человеком, тем более умиротворяет душу его, утешает святыми страданиями Господа нашего Иисуса Христа и беспредельным его человеколюбием... Тогда... сердце делается тихим, кротким и обильно источает плоды Духа Святого — радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, любовь, смирение и пр.²¹ И душа его восприимлет неизреченное веселие».

Так не является ли христианин, по сути, тем человеком, который видит за страданиями, болезнью, смертью, за всем, в чем может проявиться наш крест, то, чего не видит за этим обычный человек, — славу Воскресения?

Иллюстрация на титульной странице - Фра Анжелико. Изгнание из рая.

¹⁸ A Feuillet. L'énigme de la souffrance et la réponse de Dieu. Dieu vivant, № 17, 1950, п. 80.

¹⁹ Добротолюбие, т. 5, с. 475-476, М., 1900.

²⁰ 1 Кор. 2, 9.

²¹ Гал. 5, 22.